

Алеша Попович освобождает Киев от Тугарина

Да и едѣт Тугарин-от да Змеѣвиць же,
Да и едѣт Тугарин да забавляицсэ:
Впереди-то бежат да два серых волка,
Два серых-то волка да два как выжлока;
Позади-то летят да два черных ворона.
Да и едѣт Тугарин да похваляиццэ:
«Уж я город-от Киѣв да во полон возьму,
Уж я Божьи-ти церкви да все под дым с[п]ушшу,
Уж я руських богатырей повышиблю,
Да и князя-та Владимира в полон возьму,
Да кнегину-й Опраксею с собой возьму».
Приежжал-то Тугарин да в стольней Киев-град,
Приежжал-то ко князю да ко Владимиру.
Да стрецят-то ёго батюшко Владимир да стольне-киевской
Да со матушкой кнегиной Опраксией-королевисьней.
Заводилось пированьѣ, да тут поцесьѣн стол:
Да собиралисе вси князя и все бояра.
Тут несли как Тугарина за дубовой стол:
Да несло двенадцэтъ слуг да ведь уж князѣвых
Да на той же доски да роззолочѣной.
Да садилса Тугарин да за дубовой стол,
Да садиласе матуш[к]а кнегина-й Опраксея-королевисьня.
Да принесли-то ведь как да лебедь белую.
Она рушала, матушка-й Опраксея, лебедь белую
Да-й урезала да руку правую.
Тот же Тугарин-от Змеѣвиць же
Да целком-то зглонул да лебедь белую.
Да сидел-то Олѣшенька Попович же
(Он сидел-то на печьки да на муравцятой,
Он играл-то во гусли да яровцятыя),
Да и сам-то Олѣшенька-то надсмехаицсэ
Да над тем над Тугарином Змеѣвицѣм:
«Ише-й у нас-то у дядюшки была корова старая —

Да и охоця корова да по поварням ходить,
Да и охоця корова-й оловину исть —
Да оловины корова да обжораласе.
Да тебе-то, Тугарин, будёт така же смерть!»
Да уж тут-то Тугарину за беду пришло,
За великую досаду да показалосе:
Олёшу стрелил он вилоцькой серебряной!
Да на ту пору Олешенька ухватцив был —
Да ухватил-то ён вилоцьку серебряну.
Да и говорит-то Тугарин-от Зм[е]ёвич же:
«Ише хошь ле-й, Олешенька, я живком схвацю,
Ишше хошь ли-й, Олешенька, я конём стопцю,
Я конём-то стопцю, да я копьём сколю?..»
Да по целой-то ковриги да кладёт на щоку.
Да сидит-то-й Олешенька Попович же,
Да сидит-то на пецьки да на муравляной
Да играт-то во гусельци в яровцятыя,
Да сидит над Тугарином насмехаицсе:
«У нас у дядюшки была собака старая,
Да охоця собака да по пирам ходить —
Да и косью собака да задавиласе.
Да тибе-то, Тугарин, будет така же смерть!»
Да и тут-то Тугарину за беду пришло,
Да за великую досаду да показалосе:
Да ухватил-то ён ножицёк булатной же,
Да ён стрелил й-Олешеньку Поповица!
Да на ту пору-й Олешенька ухватцив был —
Да ухватил-то ён ножицёк булатной же.
Да говорит ёму Тугарин-от да Змеёвиц же:
«Ишша хошь-то-й, Олешенька, живком схвацю,
А хошь-то-й, Олешенька, конём стопцю,
Да конём-то стопцю да я копьём сколю?..»
Да сидит-то Олешенька Попович же,
Да сидит-то на пецьки да на муравляной,
Он играт-то во гусли да яровцятыя,
Да сидит-то, над Тугарином насмехаицсэ.
Да тут-то Тугарину за беду пр[и]шлось,
За великую досаду да показалосе.
Да бежал тут Тугарин да ведь вихрём вон

«З»-за тех же столов да он дубовых же,
Из-за тех же напитков да розналицьные,
Из-за тех же есфов сахарных же —
Ишше звал-то-й Олёшу да ехать во цисто полё.
Ишше тут Олёшенька не трусливой был:
Да и брал-то коня, да лошадь добрую,
Да взял-то он сабёлку-ту вострую,
Ишше взял-то он палицю буёвую,
Да брал он копьё да долгомерноё.
Выежжали с Тугарином на цисто полё.
У Тугаринова коня да крыльё огнянно,
Да летаёт-то конь да по поднебесью.
Говорит тут Олёшенька Попович же:
«Нанеси, Бох, бурсацька — да цяста дождицька!»
Нанесло тут бурсацька — да цяста дождицька:
Тут спускалса у Тугарина конь да из поднебесья
Да на матушку да на сыру землю.
Говорит-то-й Олёшенька Поповиць млад:
«Уж ты ой еси, Тугарин да Змеёвич же!
Огленись-ко назад: там стоит полк богатырей».
Оглянулса Тугарин Змеёвич же.
Да на ту пору-й Олёшенька ухватцив был —
Ухватил-то он сабёлку-ту вострую
Да и сек у Тугарина буйну голову.
Да тут-то Тугарину славы поют.
Он россек-то ёго на мелки речеки,
Он россеял-розвееял да по цисту полю —
Да черным воронам да на пограеньё,
Да птицькам-пташицям да на потарзаньё;
Да Тугаринову голову да на копьё садил
Да повёз-то ей да в стольней Киёв-град
А-й князю Владимиру в подароцьки.
Да привёл[з] он ко князю да ко Владимиру,
Да говорит тут Олёшенька Поповиць млад:
«Да уж ты ой еси, Владимир, князь стольне-киевьской!
Ты возьми-тко Тугаринову голову да и в подароцьки —
Да хошь, рубахи буць да и пиво вари!»
Уж тут-то князь Владимир да возрадовалса —
Дарыл-то-й Олёшеньку подароцьками,

Да подарками дарыл его великима;
Ишше взял-то-й Олëshеньку во служеньицё.

(Зап. А. Д. Григорьевым 21 июля 1901 г.: д. Дорогая Гора Дорогорской вол. — от Пóтруховой Анны Васильевны, 35 лет.)

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. Т. 3: Мезень. СПб., 1910.